

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

УНИВЕРСИТЕТ

КЛАССНЫХ

РУКОВОДИТЕЛЕЙ

Взаимоотношения

Записала М. Ганькина

«Детей же не проведёшь — они за версту чуют наши истинные мотивы»

123 – 130

События

О. Травкина

Отчет о совместном с детьми родительском собрании

131 – 132

Записал В. Букатов

«Раньше я таких собраний никогда не проводила»

133 – 137

Проблемы

Записала Т. Нестерова

«Мы можем обсуждать самые щекотливые темы»

138 – 143

Взаимоотношения

«ДЕТЕЙ ЖЕ НЕ ПРОВЕДЁШЬ –
ОНИ ЗА ВЕРСТУ ЧУЮТ НАШИ
ИСТИННЫЕ МОТИВЫ»

Тема рукоприкладства в рассказах учителей

ЗАПИСАЛА М. ГАНЬКИНА

Вот некоторые учителя заявляют, что у них, мол, проблем нет. А если и есть, то скорее по предмету: как давать ту или иную тему или что новенького в моей области знаний. Или вот администрация свободно вздохнуть не даёт...

Но мы говорим о тех самых экстраординарных ситуациях, которые случаются практически у всех и которые всегда были, есть и будут. Большинство учителей своим воспитанникам хотя бы пару шлепков да отвесили. Кто-то об этом рассказывает, кто-то — нет. А молчат, потому что, конечно, рукоприкладство осуждается. Оно и понятно: за такое можно и из профессии вылететь.

Но учителя почему-то всё равно нет-нет да и дают рукам волю: то одёрнут иного зарвавшегося ученика, то встряхнут. Это реальность, и дети с ней так или иначе считаются. А бывает, даже прощают...

Любимому учителю, например, прощается огромное количество вещей, которые он как профессионал, казалось бы, не должен был делать. И некоторые учителя, кстати сказать, всю этим пользуются, и не только в экстремальных ситуа-

циях. А там ещё шаг — и привычка распускать руки становится повседневным стилем учителя. И вот это уже действительно страшно, и на порог школы таких учителей, конечно, пускать не следует — профнепригодны.

Так, может быть, вообще всё дело не столько в каком-нибудь подзатыльнике, сколько в искренности? Искренности в чём? А вот в чём: работаю я или отлыниваю от работы (всё равно чем отлыниваю: дежурной улыбкой или грубым окриком)? И насколько мы в том или в другом бескорыстны или, наоборот, корыстны — судить нашей совести. И разумеется, нашим ученикам, которые истинность наших побуждений улавливают за километр.

На уровне рефлекса (М.Г., учительница по рукоделию)

Мы как-то обсуждали капризное поведение маленького Коли на предмет, какой совет дать его маме. Коле сейчас два года, он всюду лезет, хамит, никого не слышит. Может ударить взрослого по лицу и засмеяться. Укусить за руку изо всей силы и смотреть, улыбаться...

Я начала что-то говорить Колиной маме о пользе здорового подзатыльника или шлепка в таком крайнем случае. Надо, мол, бодро, беззлобно, даже весело поддать — и ребёнок будет тебе благодарен за то, что ты дал ему возможность понять, что это делать ну никак нельзя. А когда мы читаем мораль на тему «Как тебе не стыдно!», — у детей порой такой возможности нет.

Оля сказала, что шлепать ни в коем случае нельзя. Что тогда ребёнок будет решать проблемы со сверстниками таким же образом: тоже будет распускать руки. Он запомнит это урок.

Я спрашиваю: «А что же тогда, по-твоему, делать?» Она говорит: «Ну не знаю что. Ну взять к стулу привязать. Или в комнате запереть. Только не рукоприкладство».

Но привязать к стулу — это разве не рукоприкладство? И как это двухлетний ребёнок будет привязанный сидеть? Сколько времени?.. По мне так лучше здоровый, бодрый, звонкий шлепок по заднице — и вперед, гуляй и больше под горячую руку не попадайся. На уровне рефлекса.

Проблема в искренности (С.М., учитель истории)

Вопрос «Бить или не бить?» каждый родитель решает так, как ему подсказывает родительская интуиция. Можно, конечно, и всыпать по первое число, но... на какой характер нарвёшься. Из чада ведь и садист может вырасти, и будет потом изгаляться над женой, подчинёнными, собственными детьми.

Вся проблема в искренности. Вот если сгоряча или от бессилия врежешь — это очень понятно, и тогда тут взятки гладки. А вот когда для какой-то далёкой цели или ради каких-то принципов, рассудочно, с какой-то своей взрослой воспитательной корыстью, — то это может привести к непредсказуемым последствиям.

Бац! — и разрядились (М.С., многодетная учительница математики)

Иной раз можно так распалиться, что начнешь лупить направо и налево. Очень при этом искренне...

Я считаю, что подзатыльник нельзя отвешивать в сердцах, каждый раз он должен быть неотвратимым воздаянием за то плохое, что ребёнок сделал. Укусил Полину — получи.

А вот когда я начну дуться, в молчанку играть со своим ребёнком, или запрю его одного в комнате, — это такое психологическое напряжение для нас обоих! Что там ребёнок накопит в себе за это время, и что я накоплю, и чем это для нас обернется, я не знаю.

А «по заднице» — это кратковременное воздействие. Бац! — и мы оба разрядились. Я — потому что зло наказано и мне не нужно уже сердиться и что-то из себя изображать. Он — потому что через физическую боль понял: нельзя! запрет! стоп! Понял, немножко поревел и побежал дальше играть.

А применять психическую атаку — это нечестно по отношению к малышу. Он вообще перестанет понимать, что, собственно, происходит, чего от него взрослые хотят. Кроме того, что чего-то хотят...

Рукоприкладство унижает (Т. Д., учительница биологии)

Я вообще не понимаю, как можно так низко упасть. Распускать руки — это же проявление слабости. Учитель для ученика — всегда человек, который может то, чего не могут другие. Это родители, которые привыкли нарушать границы, влезать на личную территорию ребёнка, потом продолжают руки распускать. В конце концов, я сама когда-то была ребёнком и прекрасно помню, как это мучительно, когда тебе надо побыть с собой, почитать, а тебя вместо этого трясут, что-то требуют. Входят в комнату, когда им заблагорассудится...

Вот родители как раз и не понимают, что ребёнку нужна дистанция, личное пространство. В школе всё-таки есть хотя бы кусочек этой дистанции, хоть какое-то уважение. Учитель-то рассчитывает прежде всего на понимание, на интеллект. Видит в ребёнке человека, способного думать головой, развиваться. И вот здарсьте-пожалуйста, опять все откатывается обратно — в детскую жизнь с родителями, когда тебя могут огреть по затылку.

Рукоприкладство перечёркивает все отношения учителя и ученика, которые строишь годами. И строишь именно как противоположность родительскому праву врезать, шлёпнуть, пренебречь словами. В отношении ученика с учителем всё держится на уважении. А если дистанция нарушена — какое уж тут уважение...

Принципы и покой других (П. С., учитель физкультуры)

В своё время в одной из книжек многодетных Никитиных я прочитал эпизод, который мне врезался в память. Как-то Никитины (у них в то время было два не то три ребёнка) ехали в электричке в Москву. И один из детей почему-то начал капризничать. А так как у них был принцип не уступать ребёнку, если тот не прав, то они и выдерживали этот принцип стойко и мужественно. В результате всю дорогу, где-то часа полтора, ребёнок рыдал, бился, а они делали вид, что ничего не происходит. При этом, конечно, у них всё было напряжено,

но они понимали, что педагогика — дело святое, и были готовы жертвовать всем.

И вот они подъезжают к конечной станции. И тут Лена Никитина обратила внимание на пассажирку, которая облегчённо вздохнула и сказала: «Ну наконец-то можно будет отдохнуть от этого ора!» И Лене стало стыдно.

И вот Никитины пишут: мы вдруг поняли, что даём антипедагогический урок — урок равнодушия к окружающим. Мало ли какие у нас принципы, но если это наносит вред душевному покою окружающих людей, то мы обязаны с этим считаться и идти даже на какие-то уступки детям, лишь бы уважать покой сидящих пассажиров.

Вот такой они сделали для себя вывод, и мне понравилось, что они честно об этом рассказали.

Мужской стиль (П.И., учитель физики)

У меня было святое правило — и ученики это знали — я могу дать щелбан только любимому ученику. Это был знак доверия.

В восьмом классе был у меня парень — ну просто сорви-голова. Очень способный, но характер крутой. И вот он докрутился на уроке до того, что я дал ему лёгкий щелбан.

Он побледнел, потом покраснел, потом сказал, что если бы отец его ударил, он бы его убил, и добавил: «Ваше счастье, что вы Петр Иванович».

— Лёня, — сказал я, — если бы я тебя не уважал, я бы, конечно, до тебя и пальцем не дотронулся. Считай за счастье, что я тебе дал по лбу.

Он был ошарашен. Тут же забыл о своей обиде, ему стало интересно. Он потом всё время приставал ко мне и спрашивал: «Неужели, правда, я должен быть счастлив, что вы мне щелбан дали?» Я говорю: «Ну, у нас же есть такие ученики, которым я не даю щелбанов и никогда не дам?» — «А что, такое бывает?»...

...Это я называю «мужской стиль» в педагогике. Я понимаю, что злоупотреблять этим нельзя. Но и делать вид, что этого никогда в моей жизни не было и не будет, тоже неверно. Всё-таки педагогика должна быть с человеческим лицом, а не с нарисованной улыбочкой, разукрашенной анилиновыми красками.

Женское начало (В. П., учительница литературы)

В моей практике не было случаев, когда бы доходило до щелбанов и подзатыльников. Я себе не позволяла, боялась этого как огня. Тычки если и помогут, то только когда учитель — мужчина. Для мальчишек авторитет отца очень важен. И они готовы увидеть его в учителе-мужчине.

Мужские отношения — они всё же допускают физическое воздействие. Чуть-чуть похоже на то, как в старину мастер подмастерье учил: врежет, даст подзатыльник, чтоб доходчивее было. И в наши дни парень, мне кажется, способен принять от учителя нечто подобное — это вроде как от отца, от мужика, от сильного получится. Это даже уважение может вызвать.

Но я уверена, что женщине такое непозволительно. Она совсем другое несёт, она должна уметь сочувствовать. Она даже может иногда и мать напоминать сво-

ей какой-то чувствительностью, пониманием. Мне кажется, от неё ученики ждут, что она их на уровне эмоций поймёт.

А вот если учительница начинает через физическую силу действовать, — это кроме смеха или презрения вообще ничего не вызовет у парня-старшеклассника.

Метод пинка (В.Г., сельская учительница)

Иду на урок и слышу, как за дверью кто-то тоненько скулит. Не плачет, а именно скулит, чтобы привлечь внимание. Заглядываю в потаённый уголок — там сидит на корточках Юлька из пятого класса и старательно изображает плач.

– Что с тобой?

– Димка из 10-го «Б»! От меня пинал.

Представляю старшеклассника Димку. Когда он выходит к доске, у меня холодок ползёт между лопатками — вот сейчас перешагнёт и не заметит, что кто-то там копошился около учительского стола.

Кое-как успокаиваю Юльку, веду в класс, а сама весь урок размышляю и строю план мести...

То, что он её пинал всерьёз — ерунда. Так, куражился, демонстрировал всей школе, какой он молодец. «Молодец среди овец, а на молодца так и сам овца», — вертится у меня в голове. Но не найти в нашей школе такого молодца, который бы Димку перемолодчил...

Стоп! — а я чем не молодец? Ну и пусть, ну и плевать, что метр с кепкой. Обозначу ситуацию — уже хорошо.

Звенит звонок. Молча беру Димку за руку и веду в школьный коридор. Он не сопротивляется, класс валит следом. Останавливаемся на самой середине, зрители уже заполнили все уголки и уголки. А я, чуть подпрыгивая на своих каблуках, начинаю Димку пинать. Ну вы, надеюсь, понимаете, что пинать — это слишком громко сказано, скорее, клевать. Бегаю вокруг него и клюю. А школа замерла, не хохочет даже.

Остановил меня обиженный Димкин голос:

– Перестаньте, Валентина Павловна, смешно же...

– А когда ты Юльку пинал, это не смешно было? Кошке игрушки, да?

Дальше всё по обычному сценарию, это уже совсем неинтересно. Коллеги возмущались: что, мол, за методы у вас?

Понимаю, для каждодневной практики это, может, и не метод. А вот для единичного случая, мне кажется, метод ничего себе, не обидный, а насчёт «молодцов и овец» даёт понятие на всю жизнь.

На войне как на войне (Н.В., учительница истории)

Был у нас в школе случай. Идёт урок. Л.П. что-то рассказывает, одиннадцатиклассники слушают, записывают, а Паша сидит, ворон считает.

Л.П. в припадке праведного гнева начала на Пашу влиять: «Ну вот что ты сидишь? Тебе не интересно? Тогда что ты здесь делаешь? Раз не слушаешь — уходи». Из благих побуждений. Не думала же она, что он в самом деле уйдёт. А Паша и говорит: «А-а, ну тогда я пошёл». Взял сумку и к двери направился.

Как нормальный учитель, который болеет за свой предмет, она в момент выхода за дверь схватила его за руку. Но парень-то сильный –11 класс! Он рванулся, а у Л.П. ногти длинные были, и она ему пропахала царапины сантиметров десять, наверное. У того кровь пошла.

Паша с ухмылкой: «Ага! Сейчас пойду, побои сниму, зафиксирую — и в милиции освидетельствую». Л.П. говорит: «Давай-давай. И маму свою приведи. А я расскажу, откуда эти царапины появились».

Ни в какую милицию Паша не пошёл, конечно. Это шутка была. Но шуточка ещё та. А другой кто-нибудь, глядишь, и пошёл бы.

А Л.П. долго места себе не находила. Причём я и все коллеги, кто знал об этом, успокаивали её: мол, не может он куда-то пойти. Но понервничала школа изрядно...

Куда смотрит администрация (Г.И., завуч по воспитательной работе)

Не представляю, какой должен царить беспредел в школе, чтобы учитель мог себе позволить распусть руки. У нас с этим очень строго. Не только к ученикам, но и к учителям требования большие. Наше руководство очень за этим следит.

В Америке, например, учитель за такое как миленький под суд пойдёт. Да и в России сейчас начинается нечто похожее. Только тронь их, они и жалобу в администрацию накачают, и родителям настучат. Могут тебя и на диктофон, и на мобильник записать — и всё, привет. Постоянно надо ухо остро держать.

У нас на каждом педсовете идёт речь о том, что нужна осторожность. Не дай Бог, на чем-нибудь поймут, а то и вовсе оговорят. Мы делаем всё возможное, чтобы к нам было не придраться.

Учитель всегда должен помнить, что за ним стоит школа. Ладно, ты своей репутацией не дорожишь! Но подумай о школе, о том, что в районе будут говорить. Слухами земля полнится. Это ж все мгновенно по городу разносится. Глядишь, ещё и в новости угодить можно. И будут потом раздувать в жёлтой прессе, трепать репутацию...

Иногда нужно просто... (И.Н., бывший директор школы)

Тут по телевизору я один сюжет видел. В Германии, оказывается, есть такой проект: они присылают к нам в какую-то глухую сибирскую деревню своих трудновоспитуемых уличных подростков.

Показывают кадр: по деревне идет негритянский подросток. Причём видно, что идёт он по улице с достоинством, то есть явно не как хулиган. И слышу комментарий: на содержание такого ребенка немцами положено 2 или 3 тысячи евро в месяц. И тогда я начинаю понимать, почему он действительно идёт как порядочный человек. Потому что он попал в некий рай. Ведь воруют чаще всего, от бедности. А тут эти уличные воришки вдруг становятся самыми богатыми людьми в округе.

Немцы придумали очень странный эксперимент. Что нужно для того, чтобы справиться? Выходит, иногда нужно просто пожить безбедно.

И тогда я вспомнил рассказ одной учительницы. У них в школе работал некий желчный учитель, которого многие не любили, и она сама жутко его боялась и тряслась, прежде чем подойти к нему. И вот через десять лет он стал благополучным директором и совершенно изменился. Она перестала его бояться, считает его лучшим человеком, с которым вполне можно дружить.

Вывод? Так, может быть, так и надо с плохишами поступать! Холить, лелеять, давать им ответственные поручения и назначать начальниками?..

Карабас-Барабас (Р.К., учительница ИЗО)

Хочется вспомнить одного учителя — он вёл русский язык у моего сына. Он ни разу ни до одного ученика пальцем не дотронулся. Но он их унижал и оскорблял каждый урок. Буквально куражился. Находил самое больное место — и бил в него. Причём делал это очень остроумно. И поначалу ребята действительно рефлекторно ржали. А потом поняли, что весь этот театр Карабаса-Барабаса на их смехе и держится, и договорились, что смеяться не будут. И вот он очередную колкость скажет — а в классе гробовое молчание...

Хотя вполне можно представить себе острого на язычок учителя, которого ученики тем не менее любят.

Не для галочки (В.Б., психолог)

Тот, кто так или иначе возвышает себя на костях других, никогда не будет пользоваться уважением учеников. Если же учитель, что бы он ни делал, делает это с искренней любовью, то ученики понимают, что это вроде как на их благо, то есть, по большому счёту, он не для себя это делает, не чтобы ему стало легче.

Вот Макаренко. В эпизоде с Задоровым он сильно рисковал, он сам мог оказаться в очень плохом положении, поэтому у детей (и у читателей) возникло к нему доверие.

А если я, будучи учителем, всего лишь «возвышаю» себя, если я устраиваю себе удобную жизнь, если я пришёл провести урок и хочу провести его спокойно или просто для галочки, если я устраняю помехи, которые мешают мне, — это одно. Если же я устраняю помехи, которые мешают работать классу, — это совсем другое дело. Детей же не проведёшь, они чувствуют эту разницу. Более того, могут даже в каких-то случаях покрывать любимого учителя. Потому что чувствуют его любовь. И настоящее уважение. А уж если допекли любимого учителя — то допекли. Они это знают. И прощают.

Наказ: 50 кругов (А.С., учитель химии)

Кто-то — уже не помню — рассказал, как был у Шаталова в школе, сидел у него на уроке. И там был парень шепутной: всё вертелся, крутился, другим мешал задачи решать...

Я уже не помню точно всех обстоятельств, помню только, что Шаталов спокойно ему так говорит: «Пятьдесят кругов вокруг школы». И тот, радостный, побегал. Сделал свои пятьдесят кругов вокруг школы и, счастливый, запыхавшийся, прибежал обратно в класс и сел на место. И всё нормально.

Он как-то это смиренно воспринял. В порядке вещей. Наказание неотвратимо. Провинился — получи наказание. Кстати, наказание — от слова «наказ».

Хрупкие косточки (Н.Ш., классная руководительница с большим стажем)

Мой первый учебный год после пединститута. Дали мне 5 класс, большой, шумный. Очень много мальчишек было. Ну, и вы же знаете, как это иногда бывает: ты им соловьем поёшь, а они... В общем, всегда есть такие ученики, которых так и хочется схватить за грудки: «Что же ты мне мешаешь, паразит такой? Я о вечном, о прекрасном, а ты...»

И был в этом пятом классе один такой шевутной мальчишка, как сейчас помню, Вася. Совершенно неуправляемый ребёнок. Ну очень ему хотелось самоутвердиться. Оно и понятно: ребёнок из многодетной и малообеспеченной семьи. Правда, это я уже потом узнала.

Так вот, залез Вася на уроке под парту и стал из-под неё кукарекать. Ну, думаю, это последняя капля, сейчас я тебя... Подхожу воинским шагом, хватаю его из-под этой парты: ну, сейчас я тебя тряхану!

И тут я почувствовала, что его тоненькая ветхая рубашка вдруг треснула на спине от моих крепких объятий (наверное, он её за братьями донашивал). И я ощутила хрупкие косточки худенького ребёнка. Может быть, он и питался не ахти как...

Сердце у меня сжалось. И стыдно стало за себя, что я, такая большая, борюсь с этим маленьким Васей...

А это ощущение ребячьей хрупкости в руках учителя, такого большого, сильного — оно осталось на всю жизнь. И никогда я потом себе не позволяла, как сейчас говорят, заниматься рукоприкладством.

Иной раз приходится действительно тяжело, потому что дети бывают очень жестокими. Если они поймут слабинку учителя, они его начинают мучить. Но я своих юных коллег всё время предупреждаю: стоит один раз позволить себе проявить физическую силу, и потом будет и второй, и третий, и четвёртый. Поэтому ни в коем разе этого нельзя делать.

А тому Васе я купила рубашку и подарила на день рождения. Он даже, может быть, и не совсем понял, почему я её подарила. А я этот подарок помню всю жизнь.

[107 - 122]
Сценарии
и алгоритмы

130 ▶